

Е. В. АЛЕКСЕЕВА, Т. Ю. БЫСТРОВА

**ИСТОРИЯ ИНДУСТРИАЛЬНОГО ГОРОДА
В КУЛЬТУРНОЙ ПАМЯТИ И СОВРЕМЕННОМ КУЛЬТУРНОМ
ПРОСТРАНСТВЕ ЕКАТЕРИНБУРГА¹**

**HISTORY OF THE INDUSTRIAL CITY IN THE CULTURAL MEMORY
AND MODERN CULTURAL SPACE OF YEKATERINBURG**

The article is devoted to the problem of cultural memory about the industrial era, which is close to a significant part of society, but is rapidly disappearing. Taking into account its global nature, the authors connect the issues of memory of the industrial past, relevant for residents of a large Russian industrial agglomeration centered in Ekaterinburg, with the consideration of the problem in the world research discourse and existing commemorative practices. Keeping in mind the developments of numerous researchers of the problems of cultural memory and the analysis of theoretical and practical results achieved in the commemoration of the industrial past by foreign and Russian specialists, and based on the postulate of the historically conditioned integration of the Urals into the world industrial system, the authors determine the physical matrix of the industrial heritage of one of the most significant industrial centers of Russia - Ekaterinburg (founded in 1723) and nearby cities, identify insufficiently studied problems. The study of various aspects and forms of memory (classical and modern) about the industrial past in Ekaterinburg and the cities of the agglomeration leads to the conclusion about the need for a synthesis of the "high" and the routine, the official and the everyday as a way of representing the industrial culture of a particular city.

Keywords: cultural memory, commemoration, "memorative turn", industrial heritage, forms and methods of preservation and presentation of historical industrial sites

Elena V. Alekseeva – Leading Researcher at the Institute of History and Archaeology of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences (Russia, Ekaterinburg), Doctor of Historical Sciences, Professor of the Russian Academy of Sciences. E-mail: alekseeva167@mail.ru. ORCID 0000-0001-9958-9123

Tatiana Iur'evna Bystrova – Professor of the Ural Federal University named after the first President of Russia B.N. Eltsin (Russia, Ekaterinburg), Doctor of Philosophy. E-mail: taby27@yandex.ru. ORCID 0000-0001-6713-6867

1 *Citation: E. V. ALEKSEEVA, T. Iu. BYSTROVA, „Istoriia industrial'nogo goroda v kul'turnoi pamiati i sovremennom kul'turnom prostranstve Ekaterinburga” [History of the industrial city in the cultural memory and modern cultural space of Yekaterinburg], RussianStudiesHu 7, no. 2 (2025): 89–114. DOI: 10.38210/RUSTUDH.2025.7.15*

Актуальность темы исследования

Сохранение, воспроизведение, передача фактов и смыслов, сберегающихся в исторической, культурной памяти любого народа – важнейшая связующая нить поколений, основа самоопределения и поддержания идентичности, инструмент упрочения государственного суверенитета².

В 2020–2022 гг. группа ученых Уральского федерального университета им. первого Президента России Б. Н. Ельцина проводила социологический опрос молодых горожан «вторых» и малых городов разных стран об их отношении к местному историко-культурному наследию³. Его результаты значительно отличаются от появившихся в 2022 году и более пессимистичных данных другой исследовательской группы⁴. Но исследователи сходятся в том, что индустриальные объекты не вызывают интереса у молодого поколения без внешних импульсов со стороны специалистов или туристов, – без культурной памяти не актуализируется индивидуальная память.

Это связано не только с неумением «читать» исторический индустриальный ландшафт и промышленную архитектуру как самостоятельную типологию, но с удручающим состоянием многих площадок, их полной пространственной и семантической закрытостью и выпадением из культурного ландшафта в течение многих лет, привычкой горожан и специалистов к «точечному» видению объектов наследия вне их связи друг с другом. Индустриальное наследие, с одной стороны, уже не отвергается общественным сознанием, которое признаёт его результатом величайших трудов предыдущих поколений, а с другой стороны, – не имеет чёткого культурного и мемориального статуса, в том числе по причине отсутствия у большинства сегодняшних горожан индивидуального опыта соприкосновения с жизнью промышленных

2 О. С. Поршневар, «Феномен исторической памяти о войне», *Уральский вестник международных исследований*. Вып. 4. (2005): 112.

3 См.: Социальное участие молодежи в социокультурном развитии городов России и постсоветских стран: компаративный анализ потенциала и моделей управления. <https://gsem.urfu.ru/ru/science/portfolio-nauchnykh-proektov/2021/socialnoe-uchastie-molodezhi-v-sociokulturnom-razvitii-gorodov-rossii-i-postsovetskikh-stran/>

4 М. Н. Вандышев, Н. В. Веселкова, Е. В. Прямяикова, *Индустриальная память: масштабы и множественность* (Екатеринбург: Издательство Уральского университета, 2022. 264 с.).

предприятий, без которого, по мнению М. Хальбвакса, не столь действительны коллективные воспоминания⁵.

Размытость статуса индустриального наследия приводит к невозможности его полной интеграции в классические исследовательские и коммеморативные практики работы с ним. Промышленная деятельность, будучи насыщенной ежедневными технологическими циклами, легче укладывается в хронотоп повседневности. Поэтому индустриальное наследие часто остается маргинальным для официальной истории. Даже в условиях главенства индустриальной культуры общество редко знает об инженерах, технологиях, машинах или промышленных зданиях. Между тем, сама эта культура включает в себя особый менталитет, систему нравственных и мировоззренческих ценностей (например, этика труда), образ повседневной жизни, напрямую сопряженный с производственными ритмами и циклами (например, подъём по заводскому гудку). Соответственно, привычных форм фиксации мест памяти недостаточно для её охвата, а новые вырабатываются сложно, чаще подменяясь трансляцией сегодняшних смыслов и ценностей, чем попыткой диалогического взаимодействия с индустриальной культурой и ее носителями.

Исчезновение памяти индустриального места объяснимо, но даже при удачной ревитализации материальных объектов восполнимо сложнее, чем в других случаях⁶. Пространства индустриального наследия ещё можно превратить в «места памяти, где память кристаллизуется и находит своё убежище»⁷. Одним из условий является дополнение классического (типологизирующего и обобщающего) подхода к индустриальным объектам, площадкам, артефактам, персоналиям более индивидуализированным взглядом на наследие, дающим не только информацию, но и эмоциональное проживание истории⁸. В

5 М. ХАЛЬБВАКС, «Коллективная и историческая память», *Неприкосновенный запас*. № 2 (2005). URL: <https://magazines.gorky.media/nz/2005/2/kollektivnaya-i-istoricheskaya-pamyat.html> (Accessed 10.11.2024).

6 YEWEN FAN, XUEFANG XIE, «A study on the memory value of industrial heritage based on space narrative – a case of urban renewal in Shanghai», *SHS Web of Conferences* 174. 2023. August. DOI: 10.1051/shsconf/202317403031

7 М. ХАЛЬБВАКС, «Коллективная и историческая память», *Неприкосновенный запас*. № 2 (2005). URL: <https://magazines.gorky.media/nz/2005/2/kollektivnaya-i-istoricheskaya-pamyat.html> (Accessed 10.11.2024)

8 П. ВИРНО, *Грамматика множества. К исследованию форм современной жизни*. (М.: Ad Marginem Press, 2015. 144 с.); Ж. ЛЕ ГОФФ, *История и память*. (Москва: РОССПЭН, 2013. 303 с.); А. ЛЮДТКЕ, *История повседневности в Германии. Новые подходы к изучению труда, войны и власти*. (М.: Рос. Полит. Энциклопедия (РОССПЭН), Германский

случае, когда наряду с «законами истории» мы видим «простые рассказы» (Ж. Ле Гофф), от истории – переходим к «микроистории» с её «рассмотрением подробностей» (К. Гинзбург, Х. Медик), восприятие отчужденных объектов наследия превращается в «наследование» – живой динамический процесс производства и передачи богатств нематериальной культуры. В целом, один из наших отправных тезисов говорит именно о синтезе «высокого» и рутинного, официального и повседневного как пути репрезентации индустриальной культуры конкретного города.

Проблематика культурной/исторической памяти в специальных исследованиях

В 2000-х гг. тема соотношения истории, памяти о прошлом, идентичности вызывает широкий интерес гуманитариев, а рубеж XX–XXI вв. связывается в современной историографии с появлением «мемориальной парадигмы»⁹.

Вместе с изменениями в технологиях меняются характер и способ создания образов памяти, культурный обмен становится более широким, личностным и осознанным¹⁰. При этом публично ориентированный образ прошлого постоянно конструируется заново, отвечая текущим запросам общества и власти¹¹. Отсюда в задачу исследователей в эпоху постмодерна входит «идентификация и классификация образных схем, через которые постигается национальное прошлое в соответствии с ассортиментом мнемонических мест»¹².

исторический институт в Москве, 2010. 371 с.); А. Шюц, «Структура повседневного мышления», *Социологические исследования*. № 2 (1988): 129–137.

- 9 А. В. Святославский, *История России в зеркале памяти. Механизмы формирования исторических образов*. (Москва: Древлехранилище, 2013, 592 с.), 95; О. Б. Леонтьева, «Мемориальный поворот» в современной российской исторической науке», *Диалог со временем*, вып. 50 (2015): 59–96; О. Б. Леонтьева, Л. П. Репина, ««Мемориальный поворот» и «история памяти» в России», в *Историки в поисках новых перспектив*, под общей редакцией З. А. Чеканцевой (Москва: Аквилон, 2019), 274–317; Е. В. Алексеева, *Русская Америка: акторы, места и формы культурной памяти, Фронтальные исследования*, № 2 (2020): 92–121; *RussianStudiesHub*, № 2 (2022), др.
- 10 П. Х. Хаттон, *История как искусство памяти* (Санкт-Петербург: «Владимир Даль» 2004. 423 с.), 132. https://platona.net/load/knigi_po_filosofii/postmodernizm/khatton_p_kh_istorija_kak_iskusstvo_pamjati_2004/54-1-0-1651
- 11 Л. П. Репина, *Темпоральные характеристики исторического сознания (о динамическом компоненте «истории памяти»)», *Диалог со временем*, Вып. 49 (2014): 28–43.*
- 12 Хаттон, *История как искусство памяти*. 35–48.

В российской историографии проблема исторической памяти, механизмы формирования исторического сознания, влияния исторической памяти на формирование идентичности исследуются Е. А. Ростовцевым, Д. А. Сосницким, Ю. А. Сафроновой, А. В. Святославским, В. А. Тишковым, Л. П. Репиной, М. Ф. Румянцевой, О. Ю. Леонтьевой. Коммеморативные практики изучаются в работах С. А. Еремеевой, И. Я. Мурзиной, И. С. Огоновской, О. О. Дмитриевой, Е. И. Красильниковой, Е. С. Сенявской, Л. И. Стребковой. Сохранение исторической памяти в современных музейных коллекциях рассматривается О. А. Божченко, Е. И. Самарцевой, О. Н. Шелегиной, В. А. Рубиным. При этом в музейной практике реализуется переход от охраны отдельных памятников к целостному сохранению историко-культурного и природного наследия в виде «мест памяти», «мемориальных ландшафтов». Содержание концептов «историческая память», «культурная память», «коллективная память», «социальная память», «образы прошлого», «процесс мемориализации», «коммеморативные практики», «мемориальная культура» и др. в научном и медийном дискурсах остаются дискуссионными.

П. Нора определяет коммеморацию как комплекс способов сохранения, фиксации и передачи потомкам памяти о прошлом путем утверждения в материальных объектах – местах памяти – представлений об исторических событиях и их значении¹³. В этом подходе отчетливо видна ориентация на проживание конкретной истории. Напротив, согласно О. О. Дмитриевой, коммеморация – это целенаправленная актуализация исторической памяти путем организации и проведения мероприятий, посвященных памяти важного исторического события, исторической личности¹⁴. Во всех случаях она станет действительно совместным действием (на которое явственно указывает приставка *com-*) только, если социальное связано с личным жизненным опытом. Тогда трактовки разных авторов перестают противоречить друг другу, обрисовывая разные грани сложного процесса. К сказанному необходимо добавить условия декодирования, расшифровки, прикосновения к истории каждым следующим человеком или поколением.

В конце XX – начале XXI в. наряду с «мемориальным поворотом» происходит «пространственный поворот» в междисциплинарном ис-

13 П. НОРА и др., *Франция – память* (Санкт-Петербург: Изд-во СПб ун-та, 1999), 71.

14 О. О. ДМИТРИЕВА, «Региональный уровень празднования 300-летнего юбилея царствующего дома Романовых на примере г. Чебоксары», *Вестник Марийского государственного университета. Серия «Исторические науки. Юридические науки»*. Вып. 7. №3 (2021): 217–223.

следовательском поле глобальной или новой мировой истории (*global history, new world history*), рассматривающий историю как транснациональную, перекрёстную, связанную (*transnational, histoire croisée, connected history; entangled, shared, integrated*)¹⁵. Для региональной истории и наследия этот подход весьма перспективен, прежде всего, в силу интегрированности Урала в мировую промышленную систему (напомним, что на уральском металле в конце XVIII в. разворачивалась промышленная революция в Европе¹⁶). Это инклюзивная модель: в ее рамках исследователь не может выделить в диалоге единственную правую сторону, создать единственно верную картину прошлого. Если классическая историография ставила перед собой задачу «достичь “объективного” образа прошлых событий», то диалоговая парадигма «перекрёстной истории» соединяет проблемы интерпретации культурных взаимодействий в истории и в сознании историка»¹⁷.

Коммеморация индустриального прошлого: мировой опыт и уральские подходы к изучению

Мировой опыт актуализации и ревалоризации индустриального наследия, сохранения памяти об индустриальном прошлом на основе его системного осмысления и последующих комплексных действий накапливается с 1970-х гг.¹⁸ Наиболее последовательны на этом пути создатель первого в мире индустриального парка в Сиэттле Р. Хааг (1923–2018), лидер беспрецедентного по масштабам и инновационности проекта в Эмшер-парке, в Германии К. Ганзер (1937–2022). Они были истинными новаторами-первопроходцами, понявшими социокультурное значение промышленных территорий, объектов, технологий, равно как и памяти о них. Так, К. Ганзер отстаивал сохранение в 1960-х гг. рабочего поселка Зоммеберг, построенного в 1914–1924 гг. рядом с шахтой Цольферейн, говоря о том, что без атмосферы труда шахта

15 Л. П. РЕПИНА, «Память о событиях в контекстах национальной, перекрестной и глобальной истории (к постановке вопроса)», *Запад – Восток*. 2017. № 10: 13–19.

16 В. В. АЛЕКСЕЕВ, Д. В. ГАВРИЛОВ, *Металлургия Урала с древнейших времен до наших дней* (Москва: Наука. 2008. 886 с.).

17 М. ВЕРНЕР, Б. ЦИММЕРМАН, «После компаратива: *histoire croisée* и вызов рефлексивности», *Ab Imperio*. № 2 (2007): 62.

18 Более подробно историографический обзор см. в: Е. В. АЛЕКСЕЕВА, Т. Ю. БЫСТРОВА, В. В. ЛИТОВСКИЙ, С. А. ПАТРУШЕВ, *Атлас индустриального наследия Большого Екатеринбургa* (Екатеринбург: Tatlin. 2024. 400 с.): 8–17.

теряет весь свой смысл¹⁹. Ныне эти установки оформлены как концепция индустриальной культуры, включающей в себя не только объекты, но и образ жизни, ценности, традиции²⁰.

Архитектура отдельных зданий и комплексов в городах Урала в контексте индустриального развития и наследия изучается с 1970-х гг. Н. С. Алферовым, М. В. Голобородским, В. Г. Десятовым, Г. С. Заикиным, В. Е. Звагельской, М. А. Крапивиним, Ю. Ю. Курашовым, Р. М. Лотаревой. В натурное обследование, обмеры и документальную фиксацию памятников промышленности, разработку и реализацию проектов сохранения индустриального наследия Екатеринбурга и других городов внесли вклад А. А. Барабанов, В. Г. Десятов, А. В. Долгов, А. Ю. Каптиков, Л. Г. Михайлова, А. А. Стариков, Л. П. Холодова и др. Вопросы наделения бывших промышленных объектов новой функцией изучают О. А. Шипицына и Н. С. Солонина. Принципы и методики реабилитации промышленных городских территорий, архитектурно-градостроительное наследие индустриальных городов Урала в контексте устойчивого развития исследуют Т. Ю. Быстрова, Н. Н. Титова, Т. Н. Титова. Основными центрами этой деятельности выступают Уральский государственный архитектурно-художественный университет имени Н. С. Алфёрова (УрГАХУ) и Филиал ФГБУ «ЦНИИП Минстроя России» институт УралНИ-Ипроект.

С начала 1990-х годов благодаря организационной деятельности и публикациям академика РАН В. В. Алексеева²¹, исследованиям учёных уральской академической школы историков, сосредоточенных в Институте истории и археологии УрО РАН²² индустриальное наследие Урала стало осмысляться как важная часть мирового индустриального наследия. Заложенные тогда основы получили развитие в трудах Е. А. Курлаева, В. В. Запария, Е. В. Алексеевой, К. Д. Бугрова, Е. С. Лахтионовой и др.

19 R. GÜNTER, «Andere Kriterien für Ruhr Ein Essay» in *Zwischen Basel, Bochum und Toronto. Einblick in die Geographie postindustrieller Stadtentwicklungen*. Ed. L. Basten. (Berlin: LIT Verlag, 2011): 240–274.

20 F. GÖRMAR, J. HARFST, D. SIMIĆ, A. WUST, *The Transformative Power of Industrial Culture – from Concepts to Actions* (Graz: Leibniz-Institut für Länderkunde & Institut für Geographie und Raumforschung, 2019. 80 p.):14.

21 В. В. АЛЕКСЕЕВ – первый национальный представитель России (1990–1997 гг.) в Международном комитете по сохранению индустриального наследия.

22 См. подробнее: Е. В. Алексеева, «Индустриальное наследие Урала», в И. В. Побережников (ред.) *В. Алексеев. Горизонты истории* (Екатеринбург: Банк культурной информации, 2019): 122–132; V. ALEKSEEV, E. ALEKSEEVA, *L'Oural métallurgique, histoire et patrimoine* (Chambéry: Université de Savoie. Édition française de Gracia Dorel Ferré, 2011. 178 p.).

История различных производств и людей, создававших их в Екатеринбурге и других промышленных городах, в разных аспектах отражена в книжных сериях, выпускаемых издательством БКИ: «Очерки истории Урала», «Каменный пояс: взгляд сквозь тысячелетия», «Национальное достояние России», «Из истории индустриальной культуры Урала», «Творцы уральской индустрии», «Выдающиеся ученые Урала». Большую роль в публикационной репрезентации архитектуры города, в том числе индустриальных объектов играет деятельность издательства Tatlin.

Методология исследования

Обозначенные выше актуальные историографические тенденции и подходы, «мемориальный» и «пространственный» повороты определяют вектор нашего исследования мирового и регионального индустриального наследия. Признание исторической значимости объектов, созданных в индустриальную эпоху, характерную для всех регионов мира в XVIII–XX вв., необходимость их актуализации и ревалоризации имеют большое значение для Урала, где в результате трехвекового промышленного развития созданы тысячи предприятий горнопромышленного, металлургического комплекса и других отраслей, сформировался характерный индустриальный ландшафт и своеобразный социум.

Индустриальное наследие Урала определяется нами как взаимосвязанная часть глобального наследия индустриальной цивилизации, под которым мы понимаем совокупность овеществлённых и неовеществлённых результатов промышленного периода человеческой истории (XVIII–XX вв.), таких как: технологии, технологические процессы, машины и механизмы, продукты производства, производственные и связанные с ними административные и жилые постройки, коммуникации, поселения, возникшие или развившиеся в связи с промышленностью, транспортные сети и средства передвижения, особенности социальной структуры, системы образования и науки, менталитета и культуры общества, изменения ландшафта и окружающей среды²³.

23 Е. В. Алексеева, Т. Ю. Быстрова, *Индустриальное наследие: понятия, ценностный потенциал, организационные и правовые основы* (Екатеринбург: TATLIN. 2021. 164 с.): 31–32.

Рис. 1. Строительство металлургического завода. 1723.

Худ. А. Ремезов. Холст, масло. Фото с выставки «Александр Ремезов. Далёкие и близкие». Галерея «Главный проспект». Фото Е. Алексеевой. 2024.

Исходя из этого, индустриальное наследие Екатеринбургской агломерации («Большого Екатеринбурга», очерчиваемого радиусом в 50 км от его центра) рассматривается нами как совокупность градостроительных и архитектурных, технологических, административных и социальных решений, реализованных в XVIII–XX веках в производственных и связанных с ними экономических и социокультурных целях в Екатеринбурге, Арамили, Берёзовском, Билимбае, Верхней Пышме, Дегтярске, Первоуральске, Полевском, Ревде, Сысерти, Среднеуральске²⁴.

Основой работы выступают исследования в области *memory studies*, развивающихся историками Франции (П. Нора, П. Рикёр, М. Хальбвакс) и Германии (А. Ассманн, Я. Ассманн, Т. Адорно). В противовес «Школе Анналов» и, в особенности, М. Блоку, они настаивают на недостаточности концепта индивидуальной памяти при объяснении инкультурации и трансляции культурного опыта. Главным предметом истории памяти является «не событие прошлого, а память о нем» – образ, который запечатлелся у переживших его, транслировался потомкам, реставрировался или реконструировался в последующих поколениях, подвергался «проверке» и «фильтрации» с помощью методов исторической критики²⁵. «Мемориальный поворот» переносит акцент с изучения со-

²⁴ Там же.

²⁵ Л. П. Репина, *Культурная память и проблемы историописания (историографические заметки)*. (Москва: 2003): 9-10.

бытия на изучение памяти о нём, делает возможной множественность интерпретаций истории²⁶.

I. ФИЗИЧЕСКАЯ «МАТРИЦА» ПАМЯТИ ОБ ИНДУСТРИАЛЬНОМ НАСЛЕДИИ ЕКАТЕРИНБУРГА И БЛИЗЛЕЖАЩИХ ПРОМЫШЛЕННЫХ ПОСЕЛЕНИЙ

Составляющие опорного каркаса индустриального наследия Большого Екатеринбурга можно дифференцировать на основе генетического критерия (искусственно созданные и природно-заданные элементы изучаемой системы).

Индустриальный мегаполис как результат пространственного развития поселений, созданных в промышленных целях и развивавшихся в историческом геоландшафте. Здесь значимы градостроительные особенности Екатеринбурга и ближайших городов, обусловленные природным ландшафтом и гидросистемой, золотодобычей и производством/обработкой металла в городской черте, возникновением поселенческих и заводских прото-ядер и их эволюцией в единое городское пространство.

Лесное богатство, трансформировавшееся из производственно-го ресурса в рекреационный резерв. Общий вектор истории направлен здесь от города-завода к городу-саду, в котором важную роль играли парки горного, уездного, социалистического индустриального города, лесопарки как зеленое ожерелье промышленной агломерации. Подчеркнем, что лесосберегающие действия Урал проводил одним из первых в России, используя для этого собственные методики и изобретения.

Водно-энергетическая система как планировочная основа уральских городов-заводов и производственный рудимент. Определяющее значение для развития промышленности, особенно в контексте ранней истории региона, имела водная энергетика. Тщательность выбора места для плотины, ее интегрированность в ландшафт и повседневное использование в качестве транспортной артерии делают это техническое сооружение трудно рефлекслируемым объектом: плотина кажется

26 Ю. Е. АРНАУТОВА, «Методіа: «тотальный социальный феномен» и объект исследования», в *Образы прошлого и коллективная идентичность в Европе до начала Нового времени*, ред. Л. П. РЕПИНА (М.: Кругъ, 2003): 22.

чем-то само собой разумеющимся; рассказать о ее ценности, показать устройство, строительные технологии, значимость для горожан очень сложно.

Исторически осваивавшееся и сохранившееся горнорудное разнообразие Большого Екатеринбурга. Горнорудное наследие – результаты исторических процессов развития разведки, освоения, добычи, переработки полезных ископаемых, а также связанных с этой деятельностью инфраструктурных решений и социокультурных систем. Оно отражено в рудниках и карьерах, интерпретируется и популяризируется в Музее золота и Музее-шахте (ЧУК «Музей “Русское золото”») в г. Березовский. Далеко не всё из этого наследия привлекательно и содержательно – например, выработанные места или отвалы, но и о них можно рассказать или сделать частью творческих практик, с условием, что эти практики не разорвут связь между прошлым и настоящим. Одним из успешных примеров является работа с мраморными карьерами в г. Полевском, где местная команда во главе с Э. Г. Самохиной инициировала проведение ряда международных просветительских и иных мероприятий. Неподалеку от города в селе Мраморское есть залежи серого и черного мрамора, месторождения турмалина и змеевика. Обработка камня – традиционная для Екатеринбурга и его окрестностей отрасль хозяйственной деятельности. Проводимый с 2019 года фестиваль «Мраморная миля» включает в себя приглашение скульпторов и других творческих людей. На нем проводится конкурс скульптур из местного камня, с которым ранее любил работать мастер мирового значения С. Д. Эрзья; фестиваль подарил городу новые арт-объекты, обогатил культурный календарь. Выступление симфонического оркестра в мраморном карьере позволило зрителям «прикоснуться» к камню с неожиданной стороны. Благодаря фестивалю в город чаще стали приезжать специалисты по работе с индустриальным наследием, студенты, туристы.

Наследие трёх веков развития металлургии, металлообработки, машиностроения, воплощенное, в частности, такими заводами и жилыми районами, как ВИЗ, Уралмаш, Эльмаш, Химмаш и др., имеет ключевое значение для Большого Екатеринбурга. Коммеморация и ревитализация заводского наследия происходит в разных формах в музейных (краеведческих и ведомственных), культурных комплексах (Северская домна, Галерея Главный проспект, Синара-центр, заводских музеях), креативных проектах (Сысертский завод Турчаниновых).

Неметаллургическое промышленное наследие Большого Екатеринбурга представляют уникальная для Урала Арамилевская сукон-

ная фабрика; предприятия пищевой промышленности, мукомольные мельницы, находящиеся в разной степени сохранности и актуального использования.

Транспорт и коммуникации Большого Екатеринбурга как феномен индустриального наследия берут начало в системе гужевых транспортных путей этапа протоиндустриализации. Специфичен для уральской горнозаводской цивилизации сплав заводской продукции по рекам (отражено в экспозиции Демидов-центра в г. Ревда, музейного комплекса «Северская домна», г. Полевской). Исходная структура транспортных путей сохраняется до сих пор в системе железнодорожного сообщения, исторических вокзалах, экземплярах подвижного состава в музеях железнодорожного транспорта. Воспринимаясь как часть повседневности, вокзалы или другие придорожные объекты, если они не имеют статуса объектов культурного наследия, не оцениваются по достоинству, искажаются до неузнаваемости, достраиваясь и ремонтируясь современными строительными материалами и т. д. Исключение составляют водонапорные башни на железнодорожных станциях, привлекающие внимание необычным внешним видом.

Электроэнергетический комплекс и водообеспечивающие системы городского хозяйства как часть инфраструктуры индустриального наследия. Историческое развитие электроэнергетического комплекса представлено как до сих пор действующими энергообъектами (например, первой городской электростанцией Екатеринбурга, СУГРЭС), так и разрушающимися памятниками (электростанция на Большом Конном полуострове). Хранителем разнообразного наследия электроэнергетического комплекса является Музей энергетики Урала.

Выделение названных элементов опорного каркаса индустриального наследия Большого Екатеринбурга позволяет увидеть его в целом, как континуум, а не набор дискретных точек, что важно для проживания истории места.

Не все системные элементы индустриального наследия выявлены специалистами и стали достоянием общественного сознания. Среди относительно мало представленных можно назвать следующие темы.

- Золото и «золотой бум» XIX века, существенно повлиявшие на статус города и развитие его культуры, инфраструктуры, самосознания. Медные руды Пышминско-Ключевского месторождения, золото Березовского месторождения, места золотодобычи на территории города нужно показывать в их пространственной и смысловой связи.

- Тема зеленой истории города, деятельность по восстановлению лесов вокруг которого шла с первой половины XIX века, не раскрыта пока до конца, но очень созвучна современным ценностным ориентирам. Еще В. де Геннин предписывал специально назначаемому советнику «в прииске медных и железных руд и в бережении лесов от непорядочной и лишней порубки и от пожаров ... иметь наивысшее попечение». Такой хозяйский подход был и частью стратегии экстенсивного освоения ресурсов, характерной для развития металлургии на Урале в XVIII в.²⁷
- Электричество. Например, в центре Екатеринбурга находится первая в городе электростанция, построенная в 1894 году. Как объект индустриального наследия она примечательна не только архитектурой с элементами регионального модерна, но тем, что сохранила в себе отголоски так называемой «битвы токов» (*Battle of the Currents*) – времени внедрения конкурирующих систем передачи электроэнергии в конце 1880-х – начале 1890-х гг.

Свердловская государственная электростанция (ГЭС № 2) им. А. И. Рыкова (в последующем – тепловая электростанция (ТЭС) им. В. В. Куйбышева) – электростанция, запущенная на Большом Конном полуострове, – яркое наследие эпохи новой экономической политики (НЭП).

Среднеуральская государственная районная электростанция (СУ-ГРЭС) – до Великой Отечественной войны крупнейшая станция Свердловска, поставляла электричество и тепло в Екатеринбург. Соцгород рядом со станцией сохранил прекрасные образцы конструктивизма, например, здание самой станции.

- Соцгорода 1920–1930-х гг. Несмотря на постепенно растущий интерес к конструктивизму как одному из ярких самобытных продуктов периода индустриализации на Урале, собственно соцгородки в единстве их планировочных и транспортных, производственных и социальных элементов исследованы недостаточно. Между тем, начиная с первого Электрогородка, созданного в 1928 г. на Большом Конном полуострове, до соцгородов Уралмаша (с 1928 г.), Эльмаша (с 1932 г.), Химмаша (с 1934 г.) и Вторчермета (с 1929 г.), они создали целое индустриальное «ожерелье» вокруг исторического центра Екатеринбурга.

27 В. Геннин, *Описание уральских и сибирских заводов. 1735.* (Москва: Государственное издательство «История заводов», 1937), 85.

Накладываясь и взаимодействуя друг с другом, выделяемые нами «слои» индустриального наследия города формируют предпосылки для более объемного и живого восприятия истории²⁸.

Память об индустриальном прошлом в Екатеринбурге и городах агломерации.

Классическая парадигма работы с историческим прошлым формировала вокруг себя институции по сохранению и трансляции наиболее значимой информации. Ограничимся их кратким обозначением.

В контексте индустриальности огромным, но не всегда востребованным потенциалом обладают архивы. Как позитивную тенденцию отметим их публикационную и выставочную деятельность (например, Государственного архива Свердловской области). Преподаватели передают школьникам и студентам вузов региональные исторические сюжеты и их интерпретации²⁹. Историческая память хранится и оживает в экспозициях краеведческих, художественных, производственных музеев.

Первая попытка создания заводского музея *Уралмашзавода* относится к середине 1930-х гг. В 1966 г. в парткоме Уралмашзавода возникла идея создания музея трудовой и боевой славы. В 2013 г. Музей переместился в здание центральной заводской проходной, являющейся памятником архитектуры конструктивизма. В числе экспонатов – статичные и действующие макеты, в том числе, шагающих и карьерных экскаваторов. Представляя технические инновации разных периодов, сам музей, располагающий ограниченными ресурсами, традиционен: для того, чтобы разобраться в сложных технических объектах, необходимо сопровождение экскурсовода.

В 1971 г. в Екатеринбурге появился один из первых ведомственных и один из немногих научно-технических музеев Урала – *Музей истории Свердловской железной дороги*. В 2003 г. для музея отреставрировали и приспособили здание первого вокзала Екатеринбурга, одновременно существенно развив техники презентации материала. Экспозиция содержит две части: историческую (от создания первого в России паровоза, строительства первых железных дорог до современного реформирования транспорта) и техническую (представляет все

28 Е. В. АЛЕКСЕЕВА, Т. Ю. БЫСТРОВА, В. В. ЛИТОВСКИЙ, С. А. ПАТРУШЕВ, *Атлас индустриального наследия Большого Екатеринбурга* (Екатеринбург: Tatlin, 2024), 400 с.

29 И. Я. МУРЗИНА, «Концепция развития регионального культурно-образовательного пространства», *Человек в мире культуры*. № 3 (2013): 3–14.

железнодорожные службы). Разработаны интерактивные зоны, есть действующие макеты железнодорожных станций. Демонстрация трудовых процессов очень важна с точки зрения запоминания. Не случайно европейские специалисты по индустриальному наследию в 2010-х гг. выявили в отдельное проблемное поле память труда как наиболее сложный для передачи и, вместе с тем, ответственный для будущего вопрос. При этом в представления о труде входят и технологии, и сами практики работы представителей разных специальностей, взаимоотношения между ними (мужчины и женщины, начальники и подчиненные), и даже несчастные случаи на производстве³⁰.

В 1976 г. в Екатеринбурге открыт *Музей энергетики Урала*. Постоянная экспозиция построена по историко-хронологическому принципу с использованием современных музейных, дизайнерских и информационных технологий. Наряду с витринами в ней есть интерактивные инсталляции с включением оригинальных предметов. Музейный фонд насчитывает более 15 тыс. единиц хранения.

В 1970-е гг. в заводском центре Среднего Урала формировалось видение музея, акцентирующего знакомство посетителей с реальными промышленными установками и объектами, когда по инициативе Ю. А. Владимирского создана экспозиция крупногабаритной техники уральских заводов во внутреннем дворе нынешнего *Музея архитектуры и дизайна*. Объекты интересны, но статичны, информации недостаточно, что и сегодня затрудняет понимание посетителями и прохожими уровня их технологичности.

Музей водонапорной башни, построенной в 1880-е гг. на левом берегу Исети рядом с плотиной для обеспечения водой исчезнувших ныне железнодорожных мастерских, открыт в 2018 г. В полном соответствии с установками ICOM здесь экспонатом становится все техническое сооружение, получающее в измененном контексте новые функции и вписывающееся в туристические, образовательные и иные процессы. Башня является хорошим визуальным символом территории, но, к сожалению, мало кто из горожан и гостей знает о её реальном возрасте и роли, обычно связывая её с существованием металлургического завода, что неправомерно. Символизм объекта в чём-то препятствует конкретизации его смыслов. Преодолению заблуждения

30 J. J. CASTILLO, «The Memory of Work and the Future of Industrial Heritage: New Issues Five Years Later», *FQS - Forum Qualitative Sozialforschung*, Vol. 12. № 3 (2011). Art. 3. URL: <https://www.qualitative-research.net/index.php/fqs/article/download/1752/3257?inline=1>

могли бы помочь более частые партисипаторные практики и дополнительные информационные действия, а пока музей обещает только кураторские экскурсии, не более³¹.

Музеефицированная в 2016 г. в Екатеринбурге Белая башня (построена в 1929–1931 гг., арх. М. В. Рейшер) – первый прецедент осмысления целостного промышленного объекта в контексте музейной деятельности. Как водонапорная башня, она утратила функциональное значение в 1960-е гг. С 2016 г. в Белой башне находится музей, проводятся экскурсии, исследовательская работа, воркшопы.

В городе Березовский в 22 км от Екатеринбурга, на родине русского золота, есть два музея, связанных с темой золотодобычи. Экспозиция одного, муниципального, типична для российских краеведческих музеев, работающих в классической парадигме. Здесь представлены факты и оборудование, проходят школьные и туристические экскурсии. При озвучивании фактов о золоте, к примеру, университетской молодежи Екатеринбурга можно понять, что история великих открытий им неизвестна, воспринимается как нечто нереальное и очень абстрактное. Информационное поле крупного города как бы экранирует истории малых городов, что означает необходимость для последних организации ярких событий, в свою очередь, требующих изменения экспозиции и остальных форм работы.

Музейный комплекс «Северская домна» в городе Полевском идет именно по пути инноваций. Этот корпоративный музей – комплекс Северского трубного завода, в котором сохранилась единственная в России доменная печь середины XIX века, признанная объектом культурного наследия России федерального значения. В его современном виде музей создан в 2009 году, причем, основная экспозиция, посвященная истории завода, расположена в бывшей кричной фабрике этого завода. Органичной частью работы с историей и памятью становится архитектурный объект, позволяющий понять планировку промышленного предприятия, маршруты работников, масштабы производственных действий. Увидеть, как работали прокатный стан 1891 года с маховиком более 8,5 м или наковальня, помогает технология виртуальной реальности, используемая с 2020 года.

Кратко представив в этой части статьи музеи с разными подходами к памяти и промышленному наследию, подчеркнем, что их выборка

31 Водонапорная башня на Плотинке. URL: <https://m-i-e.ru/bashnya-filial> (Accessed 16.01.2025)

вынужденно ограничена. Важна появившаяся тенденция к преодолению разрыва между заводским музеем и собственно заводом³², ограниченная режимностью предприятий. Проводятся посещения заводов, например, организованы экскурсии не только в заводской музей, но и на сам Уралхиммаш. Эти практики активизируют восприятие посетителями истории и современности уральской промышленности, способствуют профориентации, формируют идентичность³³.

Рис. 2. Логотип Орджоникидзевского района (Уралмаш) Екатеринбурга. Дизайнер: П. Матяж. 2013. Источник: <http://mag.xn----7sbab6cced3a3a4de3cm.xn--p1ai/citynews/10406225-podarok-ko-dnyu-rozhdenija-pavel-matyazh-sozdal-novyj-logotip-ordzhonikidzevskogo-rajona/>

Топонимика города в структуре социальной памяти

Важную часть нарратива о месте составляют *топонимы*³⁴, их смыслы, пусть даже исподволь, передают промышленную историю города. Возвращение городу имени 23.09.1991 г. существенно изменило самосознание горожан и меморативный фон. Во-первых, к истории города как бы «добавились» два первых века его существования из тогдашних неполных трех. Во-вторых, имя выделило город из области в целом, оставшейся Свердловской, и послужило одним из оснований появления актуального до сегодняшнего дня топонима – Екатеринбургская

32 Н. Е. Болдырева, «Заводской музей как часть культурно-исторического наследия», *Известия ВГПУ*, № 3 (2013): 50.

33 Е. В. Алексеева, Т. Ю. Быстрова, «Музейная репрезентация технических объектов: историческая эволюция подходов и их воплощение в музеях Екатеринбурга», *Уральский исторический вестник*, № 4 (2024): 185–193.

34 А. К. Матвеев, *Географические названия Урала: Топонимический словарь* (Екатеринбург: ИД «Сократ», 2008. 352 с.).

агломерация. В-третьих, в просторечии и ряде СМИ возник ряд неблаговзвучных опрощающих сокращений типа «Екат», мода на которые миновала очень быстро. Горожане постепенно открывали свою связь с историей, которая, в свою очередь, неотрывна от промышленной истории и ее творцов. Недооценка города и его индустриального наследия сменялись все более активным интересом.

Сегодня народные названия зданий и мест, собранные в словаре топонимов Екатеринбурга, на первое место выводят Плотинку (плотина городского пруда, с которой начинались завод и город), Белую башню (Водонапорная башня Уралмашзавода, 1929, арх. М. В. Рейшер) – памятник архитектуры конструктивизма. На пятом месте – «Вторчик» – район завода «Вторчермет», сформировавшийся в 1940-е годы.³⁵ В списке присутствуют и районы, связанные с другими производствами и заводами – заводом железобетонных изделий (ЖБИ), Хладокомбинатом «Норд», но в целом их приводится немного. Большие жилые районы, возникавшие, в том числе как соцгородки, рядом с индустриальными гигантами – ВИЗом, Уралмашем, Химмашем, Эльмашем, – так и продолжают называться по сей день. В силу частоты словоупотребления они весьма опосредованно доносят информацию о времени и обстоятельствах своего появления.

Эти топонимы сопровождаются попытками визуализации и нового прочтения индустриальных районов. Так, в 2013 году дизайнер П. Матяж нарисовал логотипы практически для всех районов города, большая часть из которых – промышленные либо бывшие промышленные (Рис. 2). Вне связи с реальной историей образы не стали популярными, оставшись формой реализации дизайнерской идеи, а не частью социальной памяти.

В целом можно фиксировать недостаточность в Екатеринбурге и городах агломерации топонимической коммеморации. Наименее информативны названия улиц, которые, как правило, «безлики», даже когда связаны с рабочими профессиями. Улицы Банникова, Татищева, де Геннина, Колмогорова (бывш. улица Плавильщика Колмогорова), проспект Орджоникидзе – это то немногое, что подсказывает топонимика жителю современного города.

35 А. Цорик, „Словарь топонимов Екатеринбурга. Народные названия зданий и мест Екатеринбурга с кратким описанием и выявлением их употребимости среди жителей города.“ URL: https://www.academia.edu/24562286/Словарь_топонимов_Екатеринбурга (Accessed 15.01.2025)

Визуальные идентификаторы Екатеринбурга в ландшафте индустриальной памяти

Растущий удельный вес визуальных продуктов не может не учитываться при исследовании коммеморативных практик. Элементы городской среды, окружающие человека в повседневной жизни, могут исподволь актуализировать события или образы – либо не делать этого.

В 1973 году, в год 250-летия Свердловска-Екатеринбурга, наиболее распространенными изображениями на сувенирной продукции были: здание Городского совета (ныне – Администрации города), здания Уральского государственного университета им. А. М. Горького и Уральского политехнического института (ныне они входят в Уральский федеральный университет), Оперный театр, гостиница «Исеть»³⁶. Не было ни одного индустриального объекта. Это может быть объяснено, в том числе, тогдашним статусом «закрытого» города. Одновременно Свердловск-Екатеринбург в это время обзаводится Историческим сквером у плотины, для создания которого были снесены почти все здания завода, породившего город, и гербом, все же сохранявшим указание на реку (голубой элемент), энергию водяного колеса (желтый элемент), крепость (красный элемент) и леса вокруг (Рис. 3). На официальном уровне эмблема была быстро отменена, но сувенирная продукция долгое время использовала ее, довольно прочно укоренив в общественном сознании.

Рис. 3. Герб Свердловска. 1973.

Авторы: рабочая группа в составе: М. М. Фаттахутдинов, Г. И. Дубровин, А. В. Овечкин, Д. Ионин, В. Говорухин, Н. С. Алфёров.
Источник Википедия

36 П. А. Путинцев, Т. Ю. Быстрова, «Визуальные коды промышленных городов Свердловской области», Академический вестник УралНИИпроект РААСН, № 3 (2015): 93–99.

В новых исторических условиях к 280-летию города в 2003 году на спичечных этикетках изобразили памятник маршалу Г. В. Жукову, Царский мост, памятник основателям города В. Н. Татищеву и В. де Геннину. Туда вошел и заметный индустриальный объект – Водонапорная башня в центре города.

Когда в 2014 году студия Артемия Лебедева разработала без участия горожан логотип в виде вензеля Екатерины I, не содержащего никаких отсылок к индустриальному прошлому и настоящему, решение отвергли и горожане, и администрация. В 2015 г. дизайнеры Екатеринбурга инициировали собственный конкурс. В нем с оговоркой про необходимость доработки победил более «брутальный» вариант логотипа, ставший сегодня неотъемлемой частью городского пространства (Рис. 4).

С 2023 года оригинальное напоминание о значимых фактах промышленной истории Екатеринбурга пешеходы могут увидеть буквально под ногами. В год 300-летия основания города на его тротуарах появилось 90 канализационных люков в виде монет, изготовившихся на Екатеринбургском монетном дворе. Этот удачный креативный проект реализован Администрацией города совместно с Водоканалом Екатеринбурга, туристско-информационным центром и с привлечением специалистов-историков в рамках проекта туристического кода центра города (Рис. 5).

Рис. 4. Люк с логотипом «Екатеринбург». Дизайн: РА «Восход», Екатеринбург. 2015 г. Источник: <https://lmz74.ru/product/lyuki-s-logotipami-gorodov/lyuk-s-logotipom-ekaterinburg/>

Рис. 5. Люк, представляющий знаменитый пятак (5 копеек Екатерины II), чеканившийся на Екатеринбургском монетном дворе с 1763 года. Фото Е. Алексеевой. 2024 г.

ПЛОЩАДКИ АКТУАЛИЗАЦИИ ИНДУСТРИАЛЬНОГО НАСЛЕДИЯ

Уральская индустриальная биеннале современного искусства

С 2010 г. в Екатеринбурге и других городах Уральского региона по инициативе Уральского филиала Государственного центра современного искусства ГЦСИ (с 2020 г. – Уральский филиал ГМИИ им. А. С. Пушкина) проходила международная выставка Уральская индустриальная биеннале современного искусства. Особенностью биеннале являлось сотрудничество с действующими промышленными предприятиями города.

Фестиваль «Арт-завод» стал отправной точкой работы с индустриальным наследием и ревитализацией городских промышленных пространств. Биеннале стала следующим шагом в осмыслении индустриальности региона и роли городских пространств и их сохранения. В их число вошли типография «Уральский рабочий», гостиница «Исеть», Свердловский камвольный комбинат, завод ВИЗ-Сталь, Приборостроительный завод, Уральский завод тяжелого машиностроения и другие. Уральская индустриальная биеннале стала крупным региональным проектом.

Аффинажный завод – галерея

В 1916 году в Екатеринбурге пущен завод Николае-Павдинского акционерного общества по аффинажу добываемой на Урале шлиховой платины. В 2005 г. принято решение о переносе мощностей Екатеринбургского завода по обработке цветных металлов (ЕЗ ОЦМ) на площадку Уральского завода химических реактивов в Верхнюю Пышму³⁷. В 2018 г. здание аффинажного завода стало жилым, офисным и художественным пространством «Главный проспект» (Рис. 6, 7). Многопрофильность галереи сочетается с интеракцией (открытая для всех мастерская печатной графики, площадка для мастер-классов), тщательной проработкой связи исходного исторического и модернистского (1970-е гг.) корпусов завода на уровне функций и эстетики. В 2022 году здесь прошла интерактивная инклюзивная выставка об архитектурном про-

37 Наследник традиций качества – Екатеринбургский завод по обработке цветных металлов в *Эксперт Урал*. 2011. № 43. С. 24–25.

странстве Екатеринбурга, где было представлено около 50 макетов жилых и производственных зданий города разных периодов. Крыши зданий в макетах посетители могли снимать, видя внутреннее устройство помещений. Точно подобранные размеры деталей и материалы обеспечивали адекватность тактильных ощущений, имеющих большое значение в структуре сенсорного освоения мира. Висящие рядом полотна А. В. Ефремова с изображением исторических мест города в разные периоды его жизни дополняли впечатление. Экспозиция сопровождалась опубликованием иллюстрированных книг по истории зданий.

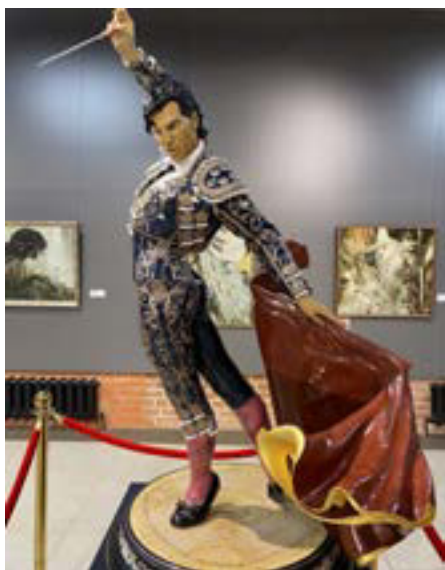

Рис. 6. Наследие традиций уральских камнерезов в галерее «Главный проспект». Проект «Коррида». «Тореадор». Изготовлено: Камнерезная мастерская Алексея Антонова. Фото Е. Алексеевой. 2024 г.

Рис. 7. Старое здание аффинажного завода и бывший корпус ЕЗ ОЦМ в стилистике модернизма (на заднем плане) после реновации. Фото Е. Алексеевой. 2021 г.

Трудности прикосновения к индустриальной истории места

Даже в получивших социальное признание проектах можно говорить вслед за А. Мегиллом об историческом эстетизме, когда «объекты рассматриваются как, некоторым образом, замена прошлого. Основное отношение к этим объектам проявляется в наслаждении или восхищении.

Исторический эстетизм... не проявляет интереса к более широким контекстам, в пределах которых расположены созерцаемые объекты»³⁸. Историческая информация об индустриальных предприятиях, территориях, процессах, не поддаваясь эстетизации, осваивается с трудом.

Уральские города-заводы, включая Екатеринбург, создавались в непосредственной близости от источников сырья. Впечатляюще показать заброшенную или уже не существующую шахту или рудник, пусть даже находящиеся ныне в черте города, достаточно сложно. Единственная попытка подобной демонстрации наследия предпринята на родине российского золота в г. Березовский, входящем в агломерацию. Но и там основное внимание в отзывах уделяется больше «огненному» экскурсоводу, чем событиям и людям, о которых он повествует³⁹.

Личности открывателей, изобретателей, владельцев производств, часто бывших прекрасными менеджерами, не визуализированы и отсутствуют в общественном сознании горожан, а ведь именно они могут соединять воедино различные пласты городской жизни и истории, без которых не возникает индивидуальной привязанности к месту. Начиная с В. де Геннина, который благодаря парной скульптуре основателей города, воспринимается почти что близнецом В. Н. Татищева, – и заканчивая главным архитектором Г. И. Белянкиным (1927–2011) – ни один из создателей города не распознается глазом горожан или гостей, имена градостроителей отсутствуют в топонимике, связь личности с созданными ей объектами не прослеживается, потому что она попросту не представлена. К примеру, в уже упомянутой галерее «Главный проспект» установлена статуя Петра I, но не Н. Н. Барабошкина (1880–1935) – ученого-химика и создателя завода, организовавшего в России аффинажное производство и посадившего первый в городе жасмин⁴⁰.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Смена технологического уклада актуализирует проблему коммеморации о прошлом, значимой с точки зрения непрерывности и преем-

38 А. Мегилл, *Историческая эпистемология* (М: Канон+, 2007, 480 с.): 119–122.

39 Музей-шахта. Яндекс-карты. URL: https://yandex.ru/maps/org/muзей_shakhta/1425424909/reviews/?ll=60.789830%2C56.926903&z=12 (Accessed 16.01.2025)

40 Е. В. Алексеева, Т. Ю. Быстрова, В. В. Литовский, С. А. Патрушев, *Атлас индустриального наследия*, 240–245.

ственности общенационального развития, осмысления идентичности и определения перспективных целевых приоритетов.

Рассмотрение региональной и городской промышленной истории в парадигме «истории памяти» привело нас к выводу, что полнота коммеморации индустриального наследия обеспечивается синтезом классического и постклассического подхода. И в том, и в другом случае большое внимание необходимо уделять визуальной составляющей практик коммеморации. Для активизации деятельности по созданию визуальных продуктов можно активнее привлекать студентов Уральского федерального и Уральского государственного архитектурно-художественного университетов. Тогда цепочка памяти становится более развернутой (место – музей – студент – целевая аудитория, посетители, горожане). Студенты в ходе проекта узнают и проживают историческую информацию и становятся медиаторами между горожанами и индустриальным объектом.

Успешность проектов и практик коммеморации достигается синергией государственной политики, пониманием и поддержкой региональных и местных властей, учетом результатов научных исследований, вовлечением в процесс различных групп населения (особенно представителей профессионального педагогического, музейного и бизнес сообществ, бывших работников предприятий, молодежи). Важнейшая функция в выработке системного подхода к выявлению объектов наследия и связывания разрозненных данных в единое смысловое поле, в нивелировании принципиальных и фактических искажений принадлежит специалистам – историкам, культурологам, инженерам, архитекторам, музеологам и др. Партисипаторные коммеморативные практики, в которые эмоционально и деятельно вовлечены разные люди, возможно, несколько упростят понимание прошлого, но прояснят актуальное представление о нем, позволят увидеть его ценность и обеспечат – по принципу концентрических кругов – передачу смыслов и фактических знаний другим.

References

- V. V. ALEKSEEV, D. V. GAVRILOV, *Metallurgii Urala s drevneishikh vremen do nashikh dnei* [Metallurgy of the Urals from Ancient Times to the Present Day], (Moskva: Nauka, 2008), 886.
- V. ALEKSEEV, E. ALEKSEEVA, *L'Oural métallurgique, histoire et patrimoine* [The Metallurgical Urals: History and Heritage] (Chambéry: Université de Savoie. Édition française de Gracia Dorel Ferré, 2011), 178.

- E. V. ALEKSEEVA, T. Iu. BYSTROVA, V. V. LITOVSKII, S. A. PATRUSHEV, *Atlas industrial'nogo nasledii Bol'shogo Ekaterinburga* [Atlas of Industrial Heritage of Greater Ekaterinburg] (Ekaterinburg: Tatlin, 2024), 400.
- E. V. ALEKSEEVA, "Industrial'noe nasledie Urala", v I. V. POBEREZHNIKOV V. ALEKSEEV (red.) *Gorizonty istorii* (Ekaterinburg: Bank kul'turnoi informatsii, 2019), 122–132.
- E. V. ALEKSEEVA, *Russkaia Amerika: aktory, mesta i formy kul'turnoi pamiaty*, [Russian America: Actors, Places, and Forms of Cultural Memory], *Frontier Studies*, № 2 (2020): 92–121.
- E. V. ALEKSEEVA, T. Iu. BYSTROVA, *Industrial'noe nasledie: poniatii, tsennostnyi potentsial, organizatsionnye i pravovye osnovy* [Industrial Heritage: Concepts, Value Potential, Organizational and Legal Foundations] (Ekaterinburg: TATLIN, 2021), 164.
- E. V. ALEKSEEVA, T. Iu. BYSTROVA, "Muzeinaia reprezentatsiia tekhnicheskikh ob"ektov: istoricheskaia evoliutsiia podkhodov i ikh voploshchenie v muzeiakh Ekaterinburga" [Museum Representation of Technical Objects: Historical Evolution of Approaches and their Implementation in the Museums of Ekaterinburg], *Ural'skii istoricheskii vestnik*, № 4 (2024): 185–193.
- Iu. ARNAUTOVA, "Memoria: «total'nyi sotsial'nyi fenomen» i ob"ekt issledovaniia" [Memoria: "Total Social Phenomenon" and the Object of Research"] v *Obrazy proshlogo i kollektivnaia identichnost' v Evrope do nachala Novogo vremeni*, L. P. REPINA (red.) (Moskva: Krug, 2003)
- N. BOLDYREVA, "Zavodskoi muzei kak chast' kul'turno-istoricheskogo nasledii" [Factory Museum as a Part of Cultural and Historical Heritage], *Izvestiia VGPU*, № 3 (2013): 50.
- J. J. CASTILLO, "The Memory of Work and the Future of Industrial Heritage: New Issues Five Years Later", *FQS – Forum Qualitative Sozialforschung*, Vol. 12. № 3 (2011). Art. 3. URL: <https://www.qualitative-research.net/index.php/fqs/article/download/1752/3257?inline=1> (Accessed 24.01.2025).
- O. O. DMITRIEVA, "Regional'nyi uroven' prazdnovaniia 300-letnego iubileia tsarstvuiushchego doma Romanovykh na primere g. Cheboksary" [Regional Level of Celebration of the 300th Anniversary of the Reigning House of Romanov on the Example of the City of Cheboksary], *Vestnik Mariiskogo gosudarstvennogo universiteta. Serii "Istoricheskie nauki. Iuridicheskie nauki"*. Vyp. 7. №3 (2021): 217–223. <https://doi.org/10.30914/2411-3522-2021-7-3-217-223>
- R. GÜNTER, "Andere Kriterien für Ruhr. Ein Essay" [Other Criteria for Ruhr. An Essay] in *Zwischen Basel, Bochum und Toronto. Einblick in die Geographie postindustrieller Stadtentwicklungen*. L. BASTEN (ed.) (Berlin: LIT Verlag, 2011), 240–274.
- F. GÖRMAR, J. HARFST, D. SIMIĆ, A. WUST, *The Transformative Power of Industrial Culture – from Concepts to Actions* (Graz: Leibniz-Institut für Länderkunde & Institut für Geographie und Raumforschung, 2019. 80), 14.
- M. HALBWACHS, "Kollektivnaia i istoricheskaia pamiat'" [Collective and Historical Memory], *Neprikosnovennyi zapas*, № 2 (2005). URL: <https://magazines.gorky.media/nz/2005/2/kollektivnaya-i-istoricheskaya-pamyat.html> (Accessed 10.11.2024).
- P. H. HUTTON, *Istoriia kak iskusstvo pamiaty* [History as an Art of Memory], (Sankt-Peterburg: «Vladimir Dal'», 2004), 423. https://platona.net/load/knigi_po_filosofii/postmodernizm/khatton_p_kh_istorija_kak_iskusstvo_pamjati_2004/54-1-0-1651 (Accessed 10.01.2025).
- G. W. De HENNIN, *Opisanie ural'skikh i sibirskikh zavodov* [Description of the Ural and Siberian factories. 1735], (Moscow: State Publishing House "History of Factories", 1937).
- O. B. LEONT'eva, "«Memorial'nyi povorot» v sovremennoi rossiiskoi istoricheskoi nauke" ["The 'Memorial Turn' in Contemporary Russian Historical Science"], *Dialog so vremenem*, vyp. 50 (2015): 59–96.
- O. B. LEONT'eva, L. P. REPINA, "«Memorial'nyi povorot» i «istoriia pamiaty» v Rossii" [The "Memorial Turn" and the "History of Memory" in Russia], v *Istoriiki v poiskakh novykh perspektiv*, Z. A. CHEKANTSEVA (red.) (Moskva: Akvilon, 2019), 274–317.
- J. LE GOFF, *Istoriia i pamiaty* [History and Memory] (M.: ROSSPEN, 2013), 303.

- A. LÜDTKE, *Istoriia povsednevnosti v Germanii. Novye podkhody k izucheniiu truda, voiny i vlasti* [Everyday History in Germany: New Approaches to the Study of Labor, War, and Power], (M.: Ros. Polit. Entsiklopediia (ROSSPEN), Germ. ist. in-t v Moskve, 2010), 371.
- A. K. МАТВЕЕВ, *Geograficheskie nazvaniia Urala: Toponimicheskii slovar'* [Geographical names of the Urals: Toponymic dictionary], (Ekaterinburg: ID "Sokrat", 2008), 352.
- I. IА. MURZINA, "Kontseptsiiarazvitiia regional'nogokul'turno-obrazovatel'nogoprostranstva" [The Concept of Development of the Regional Cultural and Educational Space], *Chelovek v mire kul'tury*, № 3 (2013): 3-14.
- A. MEGILL, *Istoricheskaiia epistemologiia* [Historical Epistemology], (M: Kanon+, 2007), 480.
- O. S. PORSHNEVA, "Fenomen istoricheskoi pamiati o voine" [The Phenomenon of Historical Memory of War], *Ural'skii vestnik mezhdunarodnykh issledovaniia*. Vyp. 4. (2005).
- P. A. PUTINTSEV, T. IЮ. BYSTROVA, "Vizual'nye kody promyshlennykh gorodov Sverdlovskoi oblasti" [Visual Codes of Industrial Cities of the Sverdlovsk Region], *Akademicheskii vestnik UralNIiprojekt RAASN*, № 3 (2015): 93–99.
- L. P. REPINA, *Kul'turnaia pamiat' i problemy istoriopisaniia (istoriograficheskie zametki)* [Cultural Memory and Problems of Historical Writing (Historiographic Notes)] (Moskva: GU VSHE 2003)
- L. P. REPINA, "Temporal'nye kharakteristiki istoricheskogo soznaniia (o dinamicheskoi komponente «istorii pamiati»)» [Temporal Characteristics of Historical Consciousness (on the Dynamic Component of the "History of Memory")], *Dialog so vremenem*, Vyp. 49 (2014): 28–43.
- A. V. SVYATOSLAVSKII, *Istoriia Rossii v zerkale pamiati. Mekhanizmy formirovaniia istoricheskikh obrazov* [History of Russia in the Mirror of Memory. Mechanisms of Formation of Historical Images], (Moskva: Drevlekhranilishche, 2013), 592.
- A. SHIUTS, "Struktura povsednvnogo myshleniia" [The Structure of Everyday Thinking], *Sotsiologicheskie issledovaniia*, № 2 (1988): 129–137.
- A. TSORIK, *Slovar' toponimov Ekaterinburga. Narodnye nazvaniia zdaniia i mest Ekaterinburga s kratkim opisaniem i vyavleniem ikh upotrebimosti sredi zhitelei goroda* [Dictionary of Ekaterinburg Toponyms. Popular Names of Buildings and Places in Ekaterinburg with a Brief Description and Identification of Their Usage among City Residents] URL: https://www.academia.edu/24562286/Словарь_топонимов_Екатеринбурга (Accessed 15.01.2025).
- M. N. VANDYSHEV, N. V. VESELKOVA, E. V. PRIAMIKOVA, *Industrial'naia pamiat': masshtaby i mnozhestvennost'* [Industrial Memory: Scale and Multiplicity], (Ekaterinburg: Izd-vo Ural. un-ta, 2022), 264.
- P. VIRNO, *Grammatika mnozhestva. K issledovaniiu form sovremennoi zhizni* [Grammar of the Multiplicity. Towards the Study of Forms of Modern Life], (Moskva: Ad Marginem Press, 2015) 144.
- YEWEN FAN, XUEFANG XIE, "A Study on the Memory Value of Industrial Heritage Based on Space Narrative – a Case of Urban Renewal in Shanghai», *SHS Web of Conferences* 174. 2023. August. <https://doi.org/10.1051/shsconf/202317403031>